

Рита Хорфман

Хрони Короля

Звереныш

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Рита Хоффман

Храни короля. Звереныш

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Хоффман Р.

Храни короля. Звереныш / Р. Хоффман — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250626-2

Голодные тени рыщут во тьме, договор между мирами трещит по швам, а в сердце этой бури – звереныш, отвергнутый семьей и воспитанный хранительницами Завесы. В королевстве, где истово веруют в Светоч, владеть сейдом – значит подписать себе смертный приговор. Но именно Вольфу, запятнавшему себя магией мальчишке, суждено стать защитником наследника престола. Теперь от его ошибок зависит не только жизнь эрбпринца, но и судьба всего королевства. Сможет ли он остаться человеком, когда за каждую каплю силы приходится платить и разумом, и плотью?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-250626-2

© Хоффман Р., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Часть 1. Звереныш	8
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рита Хоффман

Храни короля. Звереныш

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Хоффман Р., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

<https://bit.ly/4ckfqdP>

Королевство его – весь мир, его замок – вершины скал.

Его сердцу дай волчьих сил, дай душе негасимый жар.

Дай мне вечно идти за ним, талисманом быть, быть щитом.

Укрывать от морозных зим, очищающим быть крестом,

амулетом в его руке, ветром в спутанных волосах.

Отражением звезд в реке, желтой пылью в его следах.

Подарить ему сотни стран, выкрасть лучшую из принцесс.

Мой король не получит ран. Ведь теперь его рыцарь здесь.

Джио Россо. Боже, храни короля...

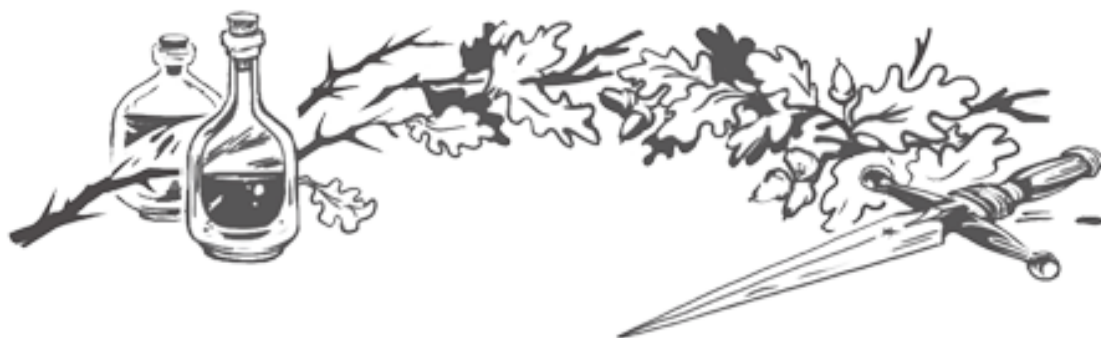
...И в миг, когда одного впервые облачали в красное с золотом, другой задыхался, силясь вырваться из ледяных пальцев господина Блицерона.

И ликовал народ у ступеней Пылающего Собора. И хрипло граяли вороны над черной землей. И рыдали матери, отвернув лица от детей своих.

Часть 1. Звереныш

Глава 1

По всем божественным законам он должен был задохнуться в тот самый миг, когда пуповина трижды обвила его шею и он, синюшный и слепой, появился на свет.

Мать, обессиленная после долгих родов, уснула, оставив корчащегося в муках младенца на грязном полу, залитом водой и кровью. После ночи, проведенной в одиночестве и холоде, он точно должен был умереть, но этого снова не произошло – боги то ли смилостивились над ним, то ли решили оставить его в живых смеха ради, просто чтобы посмотреть, что будет дальше.

Ранние годы своей жизни он помнил смутно, а превратившись в нетвердо стоящего на ногах маленького человека, обзавелся первым приятелем. Старый Пес жил на улице, спал под дырявым навесом и был таким же тощим, как мальчишка, повадившийся есть с ним из одной миски. Пса тот справедливо считал своим братом, делился с ним всем, что имел сам, а Пес, в свою очередь, согревал его по ночам, позволяя зарываться лицом в клочковатый мех.

– Воняешь псиной, – как-то сказала ему мать. – Буду звать тебя Вольфом.

Так у мальчишки появилось имя.

Вольф перенял у старшего названного брата и повадки: рычал, когда ему что-то не нравилось, обнюхивал еду, прежде чем начать есть, и порой очень жалел, что высшие силы не подарили ему хвост, которым он мог бы вилять.

Человеческий язык давался Вольфу плохо. Мать почти не говорила с ним, и он учился выражать свои мысли, запоминая, как общаются люди на постоялом дворе Синего Ганса. Многие завсегдатаи жалели его, отдавали объедки со своих столов, а некоторые и вовсе считали, что он слаб разумом. Лишь немногие видели пытлиное любопытство, светившееся в больших карих глазах. Такие люди приглашали Вольфа сесть рядом, говорили с ним медленно, но как со взрослым, и это доставляло ему непередаваемое удовольствие. Пусть речь его была скудной и топорной, в голове роились мысли, от избытка которых он не мог усидеть на месте и то и дело подскакивал. Не умея облекать чувства в слова, Вольф повизгивал и скулил, подражая Псу, но довольно быстро понял, что подобное поведение не встречает ничего, кроме жалости.

Будь Вольф хитрее, он сумел бы использовать это, чтобы получать больше еды и монет, но жалостливые взгляды казались ему невыносимыми. В тщедушном тельце оказалось так много гордости, что, едва заметив на лице собеседника уже знакомую гримасу, Вольф рычал, спрыгивал со скамьи и убегал. Его щеки пылали от стыда, а на глазах выступали жгучие слезы.

Так он понял, что ему совсем не нравится, когда его жалеют.

Зимы Вольф не запоминал – дни превращались в бесконечную борьбу с голодом и холодом. Он много спал, прижимаясь к Псу, но стоило первым по-настоящему теплым солнечным лучам коснуться земли, как жизнь возвращалась в унылый серый город, и Вольф снова шел ко двору Синего Ганса – послушать истории, поглядеть на толстопузых торговцев, остановившихся в каморках на втором этаже, и достать немного еды.

Та ранняя весна выдалась теплой: снег быстро сошел, солнце припекало макушку, но старые сапожки промокли еще до того, как Вольф добрался до постоянного двора. Он хотел снять их, но, поразмыслив, решил, что попросит позволения высушить их над огнем. Пес, наблюдавший за ним, одобрительно рыкнул, будто соглашаясь с его решением.

Порой Вольфу казалось, что названный брат понимает его без слов, но доказать этого он не мог. Однажды он попытался рассказать об этом матери, но та лишь отмахнулась, заявив, что, если Вольф продолжит болтать такие вещи, соседи примут его за подменюша и отведут так далеко в лес, что он не сможет вернуться. Умереть в лесу Вольф не хотел, потому прикусил язык и больше не делился с матерью своими мыслями.

В зале на первом этаже пахло жареным мясом, потом и отсыревшим деревом. За длинными столами сидели люди – Вольф не мог сосчитать сколько, но куда меньше, чем обычно.

Усевшись на край скамьи, он зажал замерзшие ладошки меж колен и начал покачиваться, успокаивая сам себя. Пес улегся под столом, но бдительности не терял: провожал ноги уходивших и приходивших людей внимательным взглядом уставших глаз, кожа вокруг которых покраснела и припухла.

В животе заурчало, Вольф сжался, опустил голову и почувствовал, как краснеют уши. В последний раз ему довелось поесть пару дней назад, когда Пес притащил украденный мешок, в котором лежала пара грязных реп, чудом не выпавших по пути, – мыши прогрызли мешковину и оставили в ней несколько дыр. Вольф был так голоден, что вцепился зубами в плотную кожуру, – и тут же получил подзатыльник от матери. Она отобрала мешок, сварила репу и вынесла ее на улицу в грубой миске. Пес набросился на еду, поглядывая на замешкавшегося младшего брата. Вольф же кусал губы, ощущая что-то доселе неведомое.

Унижение – вот что это было. Но такого слова он еще не знал.

Сидя в теплом зале, вдыхая ароматы, доносившиеся из кухни, Вольф ощущал сводивший нутро невыносимый голод, но не решался попросить еды. Сжав край старой войлочной накидки, он смотрел на побелевшие кончики пальцев, стискивал зубы и сам не заметил, как начал дрожать.

Хлопнула дверь. Вольф очнулся: подскочил от неожиданности и уставился на вошедшую женщину. Невысокая, закутанная в пыльный дорожный плащ, незнакомка прошла к свободному месту, села на скамью и обвела зал задумчивым взглядом. Ее лицо оказалось столь обычным, неприметным, что, наклонившись почесать Пса, Вольф тут же забыл все черты.

Девчонка-подавальщица поставила перед незнакомкой грубую кружку и ушла. Из-под широкого рукава дорожного плаща показалась тонкая кисть с длинными пальцами, и Вольф заметил, как ноготь на одном из них почернел и превратился в загнутый коготь. Женщина опустила его в кружку и стала помешивать пиво, что-то бормоча.

Вольф никогда такого не видел, но мать порой пугала его рассказами о злых старухах, живущих в горах. Она говорила, что Светоч отвратила от них свой лик и потому, лишенные ее благостного сияния, они научились говорить с неразумными тварями и служить господину Блицерону.

Пес выбрался из-под стола и потрусил прямо к незнакомке, стоило той едва заметно поманить его. Вольф попытался поймать названного брата за хвост, но лишь потерял равновесие и неуклюже свалился на пол. Сидевший рядом мастер Фило, хозяин крошечной хлебной лавки, который всю зиму подкармливал Вольфа черствыми корками, схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Убьешься ведь, – пробасил он.

Вольф лишь кивнул, не отрывая взгляда от женщины, тонкие пальцы которой уже ерошили шерсть на большой голове Пса.

«Если Пес признал ее, бояться нечего», – рассудил Вольф и тоже пошел вперед.

Медленно, шаг за шагом, он приближался к незнакомке на полусогнутых ногах, всем своим видом выражая уважение и покорность. Будь у него хвост, он бы трусливо его поджал. Никто и никогда не относился к Вольфу откровенно плохо, людей он не боялся, но она...

Взгляд светлых глаз, казалось, прожигал дыру прямо в центре лба. Вольф даже потерял это место потемневшими от грязи пальцами – вдруг на коже появилась рана?

Незнакомка же, вглядываясь в его чумазое лицо, продолжала поглаживать Пса.

* * *

Она пришла сюда не просто так. Будь ее воля, ни за что бы не покинула уютный дом в корнях *госпожи*, но пару дней назад они с Хедой бросали кости, и боги оказались не на ее стороне. Проиграв и отругав соперницу всеми бранными словами, которые только знала, Герда собрала дорожный мешок и отправилась в путь.

Как строился Альтфурт, Герда видела: сперва толпа грязных оборванцев обосновалась недалеко от брода, по которому можно было пересечь реку Айбенфлусс верхом, затем к ним наведальсь люди в одеждах почище. На сюрко¹ тех людей горело красное солнце, и, едва разглядев их, Хеда сказала: «Запомни мои слова: глазом моргнуть не успеешь, как они загадят все вокруг!»

И Хеда оказалась права.

Сперва лагерь грязных оборванцев разросся и стал походить на деревню. Затем люди с солнцем на груди заявили снова, а с ними – десятки груженных камнем повозок. Закипела работа. Довольно скоро в тогда еще безымянном поселении появилась Часовня Пламени, а вместе с ней и служители Светочи. Жалкому подобию города дали название Альтфурт, жители устроили шумную пирушку, затем драку, а спустя несколько дней люди короля и Прелаты Пламени уехали, оставив на службе одного тощего, испуганного Факельщика.

Годы шли, жителей в Альтфурте становилось больше, но Хеда любила повторять: «Городишко как был смрадной дырой, так и остался».

И она снова была права.

Герда убедилась в этом, едва приблизившись к переброшенному через Айбенфлусс шаткому мосту: в нос ударил запах нечистот, скотины и рыбы, которую ловили местные выше по течению. Ночные горшки опорожнялись прямо в реку, на берегу которой женщины стирали белье и одежду, из реки же брали воду для домашних нужд. У деревянных стен, возведенных вокруг города, скопился мусор, над которым кружили мухи.

«Лучше бы меня просто бросили в яму со змеями!» – думала Герда, пробираясь по узким улицам к постоялому двору.

Ее нрав с годами становился только хуже, а необходимость выйти из леса к людям портила и без того далеко не благодное расположение духа.

Мутное пиво, поданное девчонкой, воняло кислятиной, и пить его Герда не собиралась. Нашептав пару слов, она отставила кружку в надежде, что хозяйка двора окажется скрягой и, увидев, что напиток не тронут, велит подать его кому-то еще. Этому «кому-то» не поздоровится – Герда всегда знала, что делала.

Старый тощий пес снова боднул ее тяжелой головой, требуя внимания. Его хозяин, такой же грязный и худой, прижался спиной к соседнему столу и тарачился на Герду, поджав потрескавшиеся губы. Несуразный, большеголовый... Герда фыркнула и хотела было отвернуться, но вспомнила, зачем пришла. Медленно, нехотя она протянула мальчишке руку и тихо приказала:

– Подойди.

¹ Сюрко (фр. *surcote* – «поверх котты») – вид верхней одежды, популярный в Западной Европе. Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

Тот бросил вопросительный взгляд на пса и сделал несколько робких шагов. Двигался он странно: на полусогнутых ногах, втянув голову в плечи. Вокруг больших глаз залегли тени, а на покрасневших веках Герда разглядела болячки. Густые черные лохмы скатались в колтуны, шея посерела от грязи. Казалось, ребенок никогда не видел ни воды, ни мыльного корня².

– Сколько тебе лет? – Герда поморщилась, унюхав вонь давно не мытого тела.

– Не знаю. – Говорил мальчишка тихо и хрипло.

«Больной наверняка. Умрет еще до того, как я покажу его Хеде, – подумала Герда. – Еще и вшей притащит, а то и блох... К тому же он слишком взрослый».

– У тебя есть братья?

Мальчишка мотнул головой, открыл рот, но тут же захлопнул его, так ничего и не сказав.

«Еще и разумом больной. – Герда поморщилась. – Нет, так не пойдет».

Достав из мешочка на поясе монету, она дала ее мальчишке, стараясь не касаться его грязных рученок пальцами.

– Поешь, – бросила Герда, поднявшись со скамьи.

В зал ввалилась толпа мужчин. Громко переругиваясь, они направились к дальнему столу, расталкивая не успевших отойти в сторону подающих девок и пихая в спины завсегдаев. Один из мужчин толкнул мальчишку, тот упал, монета покатилась по полу. Он потянулся за ней, но еще один громила, проходивший мимо, сперва пинком загнал монету под соседний стол, а затем придавил каблуком пальцы ребенка.

Пес подобрался, готовясь напасть, но Герда первой отпихнула мужчину, услышав жалобный стон. Тот пошатнулся, но, вернув равновесие, осклабился и лишь пожал плечами:

– Не заметил его.

Дождавшись, пока старшие рассядутся и освободят проход, мальчишка встал на колени и заполз под стол. Герда наблюдала за его тщетными попытками достать монету со смесью стыда и отвращения к окружавшим ее людям. Как плохо должен жить ребенок, чтобы покорно терпеть такое отношение?

Она сама не поняла, как снова уселась на скамью и придвинула к себе кружку с кислым пивом. Мальчишка выбрался из-под стола и наблюдал за ней, приоткрыв рот. Пара слов, несколько шепотков, плевок в мутную дрянь, которую ей подали, – вот и все, что сделала Герда, но спустя несколько мгновений мужчина, едва не сломавший мальчишке пальцы, вдруг выскочил из-за стола и бросился на улицу.

– Пойдем, – приказала Герда. – Покажешь, где живешь.

Плотнее запахнув плащ, она сделала несколько шагов, но ни пес, ни ребенок за ней не пошли. Развернувшись, Герда вперилась в чумазое лицо мальчишки своим самым грозным взглядом и повторила:

– Иди за мной, если не хочешь гнить здесь до самой встречи с господином Блицероном.

Она видела, как в несуразно большой голове крутятся мысли, как тонкие пальчики терпят край накидки. Заметила Герда и полный смятения взгляд, брошенный мальчишкой на пса. Удивительно, но тощий кобель, изобразив подобие кивка, поднялся с пола и потрусил к Герде. Мальчишка пошел за ним.

Они вместе покинули постоялый двор. Солнце скрылось за тучами, начал накрапывать дождь. Герда брезгливо переступила через растянувшегося у порога мужчину, заблевавшего все вокруг. Из его рта лезли черные жабы.

² *Мыльный корень* – корневища и корни некоторых растений (преимущественно мыльнянки лекарственной семейства гвоздичных), которые при контакте с водой образуют густую мыльную пену. Известен с древности как натуральное моющее средство.

* * *

Сперва Вольф шел за незнакомкой молча и безропотно, но, когда впереди замаячили городские ворота, он остановился и потянул Пса за хвост. Тот замер рядом, посмотрел на маленького названного брата, затем – на шагавшую впереди женщину в плаще, и гавкнул. Его хриплый голос Вольф слышал нечасто: мать запрещала Псу лаять, а когда тот не слушался, колотила его всем, что попадалось под руку.

Незнакомка резко развернулась и уставилась на переминающегося с ноги на ногу Вольфа.
– Что? – спросила она. – Тебе лучше не отставать.

Он лишь пожал плечами и мотнул головой. На его языке это означало что-то вроде «не могу идти дальше», но, как и ожидалось, женщина его не поняла.

– Или говори, или проваливай.

Проваливать Вольфу совсем не хотелось. Его крошечное сердечко сжалось, когда он подумал о том, что приключение закончится, так и не начавшись, но странное, щемящее чувство все же тянуло его домой.

– Мама, – выдохнул он, поморщившись от звука собственного голоса.

Текущее, незапоминающееся лицо незнакомки не смягчилось, но в глазах появилось что-то вроде понимания. Она подошла ближе, присела перед Вольфом и брезгливо отпихнула морду Пса, из пасти которого капали слюни.

– Значит, ты не сирота?

Он не знал, что такое «сирота», потому буркнул:

– Я Вольф.

– Вольф... – повторила женщина, будто смакуя его имя. – А я Герда.

Важно кивнув, он попытался присесть и поклониться одновременно – видел, что так делали люди в тяжелых железных одеждах, время от времени приезжавшие в город. Но он наблюдал за ними недостаточно внимательно, потому не был уверен в правильности своих движений. Вольфу казалось, что нужно понравиться Герде, и, когда та рассмеялась, он смущенно спрятав руки за спину и отступил на шаг. К щекам прилило горячее, в носу защипало.

– Манерам тебя не обучали, – сделала вывод Герда, отсмеявшись. – Но попытка вышла неплохая, звереныш.

Она выпрямилась, поправила капюшон и обвела взглядом улочку. Вольф заметил, как ее лицо скривилось, словно она наконец учуяла запах гниющей рыбы и дерьма, сегодня почему-то особенно мерзкий. Ему стало мучительно стыдно перед ней, ведь он тоже жил в этом городе, а значит, был его частью.

– Слушай внимательно, – вдруг начала Герда, уставившись на него своими странными меняющимися глазами. – Я могу забрать тебя отсюда, забрать туда, где нет ни каменных стен, ни Часовен Пламени, ни матери. Я обучу тебя всему, что знаю, а после отправлю туда, куда попасть ты даже не мечтал. Твоя жизнь обретет смысл, звереныш. – Помолчав, она добавила: – Ты можешь пойти со мной, а можешь остаться здесь, решать тебе.

Вольф не понимал, что такое «смысл», но слова Герды счел важными. О будущем он никогда не думал, ему казалось, что жизнь – это бесконечные скитания по улицам, борьба с голодом и редкие посиделки на постоялом дворе. Он видел взрослых, видел их усталые лица, мозолистые руки, не знал наверняка, но чувствовал, что каждый день они выживают так же, как выживает он сам, и картина эта казалась безрадостной. О том, что будущее можно изменить, Вольф не только не мечтал – даже не подозревал.

– Мама, – повторил он, махнув рукой в направлении дома.

– Беспокоишься, значит, – заключила Герда. – Что ж, отведи меня к матери. Мне есть что ей предложить.

На мгновение Вольф замешкался – вспомнил, как выглядит их дом. Как наяву почувствовал запах прелой соломы и сырости, будто со стороны увидел свой прохудившийся тюфяк, брошенный в углу, едва теплящийся огонь в очаге, вдохнул кислую вонь ночного горшка, смешанную с вонью пива...

Герда сжала его плечо, сильными пальцами подцепила подбородок и заставила Вольфа поднять глаза.

– Стыдишься, – выдохнула она. – И откуда это в тебе?..

Цокнув языком, Герда смочила слюной край рукава и начала тереть щеку Вольфа.

– Раз стыдишься, значит, не оскотинился, – бормотала она, оттирая грязь. – Удивительно...

Закончив и окинув Вольфа внимательным взглядом, Герда легко толкнула его и снова приказала:

– Отведи меня к матери, звереныш. Не хочу задерживаться в этой дыре ни одного лишнего мгновения.

Пес потрусил вперед, изредка оглядываясь, чтобы убедиться, что Вольф и Герда следуют за ним. Виляя облезлым хвостом, он вел их по улицам, выбирая те, где почти никогда не было людей. Как и Вольф, Пес не любил встречаться с ними вне двора Синего Ганса, справедливо полагая, что такая встреча может закончиться тумаками и болезненными пинками. И если Вольфа предпочитали не трогать, ограничиваясь толчками или плевром под ноги, то Псу доставалось часто.

Всю дорогу Вольф мучительно размышлял. Он бросал на Герду косые взгляды, до крови кусал губы, отрывал кусочки кожи у ногтей, из-за чего пальцы вскоре начали ныть. Только любопытство заставляло его идти вперед, любопытство и слабая, крошечная искра надежды на то, что жизнь может стать лучше. Вольф плохо понимал, как может выглядеть это «лучше», но мысленно цеплялся за зыбкие образы. Вдруг там, в месте, о котором говорила Герда, будут еда и новый тюфяк, набитый свежей соломой?

Мать встретила их на пороге. Она зябко куталась в плащ, который использовала вместо одеяла, и выглядела еще более изможденной, чем обычно.

Вольфа отгеснили в сторону. Несколько мгновений две женщины просто разглядывали друг друга, а затем Герда медленно произнесла:

– В этом доме нет мужчины.

Вольф заметил, как вздрогнула мать. Плотнее закутавшись в плащ, она поджала и без того тонкие губы, горделиво приподняла подбородок и... не ответила. Продолжила молча сверлить Герду тяжелым взглядом.

– Если ты продолжишь увиваться за ним, ничего хорошего не произойдет. – Голос Герды звучал спокойно, уверенно. – Он не оставит жену ради тебя.

Взгляд матери потемнел, брови сошлись над переносицей, но с губ не сорвалось ни слова.

– Былого величия не вернуть подобным путем, – продолжила Герда. – Но теперь я вижу, откуда в мальчишке эти не присущие простолюдинам гордость и стыдливость. Ему шепчет кровь.

– Вёльва, – прошипела вдруг мать.

Это слово Вольф уже слышал от нее и от Факельщика из Часовни Пламени. Старухи, живущие в лесах, старухи, пляшущие на вершинах гор, призывая весну. Страшные, жуткие...

– Не вёльва, – возразила Герда. – Но вам очень нравится называть так всех подряд.

– Я расскажу о тебе Факельщику, – пригрозила мать. – Он призовет Неопалимых.

– И они убьют половину женщин в Альтфурте, а вместе с ними и тебя, когда поймут, что никакой вёльвы здесь нет и не было. – Герда пожала плечами.

– Что тебе нужно?

Вольф притих. Он чувствовал, что вот-вот решится его судьба.

- Мальчишка, – просто ответила Герда.
- Нет, – отрезала мать.
- Я могла просто увести его, и тебе это известно.
- Но не увела.

Вздыхнув, Герда подошла к порогу и остановилась прямо напротив матери Вольфа. Несколько мгновений она всматривалась в ее лицо, а затем провела рукой по воздуху на уровне ее живота.

- Вот как... Что-то скверное уже произошло, верно?

На полусогнутых ногах Вольф подобрался ближе и присел на корточки у чахлого куста. Он отчаянно не хотел ничего упустить, его сердце колотилось в груди так сильно, что дрожали руки.

Не дождавшись ответа, Герда продолжила:

- Еще один рот. Подумай об этом.
- Не твое дело, – прошипела мать, неловким движением прикрыв живот. – Убирайся.
- Ты не живешь в чудесном мире, где мужчины бросают жен ради таких, как ты, – неожиданно жестко сказала Герда. – Я предлагаю тебе выход. Выход и...

Порывшись в складках плаща, она вытащила позвякивающий мешочек и протянула матери Вольфа. Та уставилась на него с недоверием, а затем выпалила:

- С рассветом монеты превратятся в дерьмо! Я не попадусь на эту уловку.
- Дерьмом набита твоя голова, – проворчала Герда. – Просто возьми деньги и отпусти мальчишку.
- Ни за что.

Вольф наблюдал за перепалкой и снова кусал губы. Он боялся за мать, но еще сильнее боялся, что Герда просто уйдет. Эти чувства с трудом уживались внутри, ему хотелось закричать, чтобы выплеснуть их, но он молчал.

- Деньги и подарок для ребенка, – выдохнула та. – Ты знаешь, как дорого это предложение.

Мать прищурилась, маска безразличия и презрения треснула, и сквозь нее проглянуло... волнение? Вольф подался вперед, жадно ловя каждое слово.

- Подарок... – выдохнула мать, боязливо покосившись на видневшуюся вдали крышу Часовни Пламени.

- Он стоит куда больше, чем твой дом, этот проклятый мешок с монетами и вся жизнь мальчишки. – Герда хмыкнула. – И ты знаешь, что я говорю правду.

Мать посмотрела на Вольфа. Тот хотел подойти к ней, но, выпрямившись, передумал и снова присел, вжался спиной в колючий куст. Что-то было в ее глазах... Не безразличие, не привычное раздражение. Однажды Вольф видел, как мальчишки постарше забивали камнями собаку, и взгляд окровавленного, загнанного в угол животного навсегда отпечатался в его памяти.

Именно так мать смотрела на него. Как измученный зверь, потерявший всякую надежду на спасение.

- Внутри есть колыбель? – спросила Герда.

Мать кивнула. Она пяткой надавила на дверь, та открылась, и Вольф снова попытался пересилить себя и подойти к порогу, но так и не сдвинулся с места. Он сидел и наблюдал за тем, как Герда входит в дом, как мать идет за ней и плотно закрывает дверь, отрезая его от жизни, которую он не любил, но к которой успел привыкнуть.

Поднявшийся ветер принес запах речной воды и вонь рыбьих потрохов. Пес вскинул большую голову и заскулил – он был голоден. Вольф с тоской вспомнил, что так и не сумел раздобыть еды, и обхватил себя руками, стараясь унять невесть откуда взявшуюся дрожь.

Вскоре Герда вышла из дома. Одна.

– Вставай, звереныш. Пора идти.

Вольф медленно выпрямился, но с места не сдвинулся.

– Мама? – только и спросил он.

– Пойдем. – Герда обернулась и поманила его рукой. – Ты все равно ничего не поймешь.

Понять Вольф мог, потому упрямо поджал губы и продолжил стоять на месте, положив ладонку на голову Пса. Вдохнув, Герда бросила:

– Я купила тебя. Теперь ты мой. Понятно? И мы вместе уходим из Альтфурта.

«Вместе». Вольфу понравилось, как это прозвучало. Они с матерью «вместе» никогда не были, он всегда был «сам».

– Пес тоже.

Герда всплеснула руками.

– На что мне эта больная тварь?

– Пес тоже, – упрямо повторил Вольф.

Будто понимая, что решается и его судьба, Пес тяжело поднялся и нерешительно завилял облезлым хвостом. Он старался понравиться Герде.

– Об этом мы с твоей матерью не договаривались. С другой стороны... – Герда фыркнула. – С другой стороны, я знатно переплатила за твою жалкую шкуру, звереныш. Бери своего пса и пойдем.

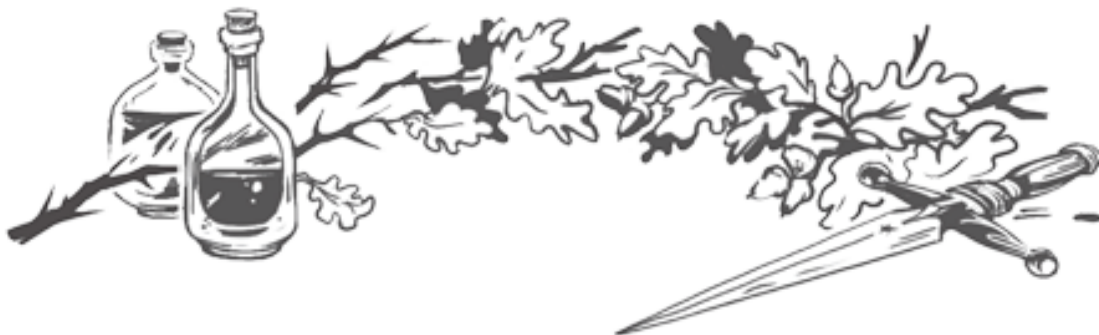
И Вольф пошел. Он несколько раз оглянулся, ожидая, что мать передумает, но дверь дома так и не открылась. Новая жизнь манила его и пугала, сердечко колотилось в груди, он обтирал влажные от пота ладонки о торчавшие из-под старой котты³ брэ⁴ и торопливо бежал за Гердой, но что-то... Что-то заставляло его оборачиваться снова и снова.

Он был слишком мал и не понимал, что пережил первое в жизни предательство.

³ *Котта* – длинная верхняя рубаха из плотной ткани или шерсти.

⁴ *Брэ* – деталь мужского костюма. В Средневековье брэ носили исключительно как предмет нижнего белья.

Глава 2

Отдыхать ему Герда не позволяла – тащила за собой до тех пор, пока Вольф не рухнул на землю. Глаза закрылись сами собой, и даже отборная ругань Герды не смогла заставить его подняться и продолжить путь.

Они шли не так долго, как могло показаться. Стены Альтфурта пропали из виду на закате. Солнце скрылось за горизонтом, а луна начала свой путь и теперь висела на краю темного небосвода. Взрослый человек мог легко преодолеть это расстояние, почти не устав, но Вольф был ребенком. Очень голодным ребенком.

– Не заставляй меня жалеть о том, что я купила тебя. Вставай.

Вольф замотал головой и свернулся калачиком на земле. Он не мог пошевелиться, живот ныл от тупой знакомой боли. Эта боль преследовала его всю жизнь.

– Когда ты в последний раз ел? – вдруг спросила Герда.

От жгучего стыда к щекам прилила кровь. Вольф рыкнул и обхватил себя руками. Сил хватило, только чтобы открыть глаза.

– Весь в мать, – заключила Герда.

Раздался шелест ткани, затем на землю перед Вольфом упал небольшой сверток. Пес тут же обнюхал его и заметно повеселел – завилял хвостом, движения стали резкими. Старший названный брат дурачился: мотал головой, порывивал, толкал сверток носом и снова мотал головой. С трудом сев, Вольф развернул жирную на ощупь ткань и удивленно уставился на кусок сыра, к которому приклеились две полоски сухого на вид мяса.

– Ешь, – приказала Герда.

Она тоже села на землю. Капюшон полностью скрывал ее лицо. Вольфу показалось вдруг, что под ним не просто тень, а что-то живое, но урчание в животе заставило его отбросить посторонние мысли и вцепиться в кусок сыра. Сперва он хотел просто вгрызться в манящую, пахнущую молоком мякоть, но острие стыда вновь впилося в сердце. Заставив себя остановиться, Вольф разломил кусок на три почти равные части и протянул одну из них Псу. Тот тут же схватил свою долю и проглотил ее. Второй кусок Вольф протянул Герде. Он не видел ее лица, но заметил, что, прежде чем принять сыр, она замешкалась.

– Щедрый, да? – пробормотала Герда. – Нет, другое... Это не щедрость.

Вольф пожал плечами и наконец вонзил зубы в странную рыхлую мякоть. Такого сыра он не пробовал – в Альтфурте сыровары приносили на рынок жесткие желтые куски, которые жевались с трудом. Этот же сыр таял во рту, оставляя нежный привкус молока.

Пес боднул его головой – просил еще. Голод не унялся, но Вольф протянул остатки сыра на ладони, позволив названному брату съесть их и облизать его руку.

– Сдохнешь, но поможешь ближнему, да? – Герда фыркнула и подцепила ногтями оставшуюся на жирной ткани полоску мяса. – На, возьми. И не смотри на меня так.

Вольф отвел взгляд, но от предложенной еды не отказался. Жевал до тех пор, пока Герда не подалась к нему и не подняла верхнюю губу, беззастенчиво разглядывая зубы.

– Недостающие выбили или они выпали сами?

Собравшись, Вольф выдохнул:

– Выпали.

– Хорошо. Новые вырастут крупными. Славно.

Вольф доедал мясо. Пес устроился было подле него, но Герда толкнула его носком сапога.

– Никакого сна. Мы должны добраться до *госпожи* к рассвету. Ты тоже, слышишь? Не смей спать, звереныш, вставай!

Схватив Вольфа за шкуру, Герда резко поставила его на ноги. Он пошатнулся, бросил на нее удивленный взгляд, но покорно кивнул. Ему казалось, что нравиться ей очень важно, что, если он поведет себя неправильно, она просто отправит его обратно, в провонявший рыбой Альтфурт, а возвращаться он не хотел. Ему понравилось дышать чистым воздухом за стенами города, понравилось чувствовать себя героем старых легенд, которые он слышал от пьяных завсегдатаев двора Синего Ганса. Многие из них начинались именно так: герой покидал дом и отправлялся искать приключения. О том, что чаще всего в странствиях герой находил только кошмары и смерть, Вольф старался не думать.

Они шли довольно долго. Ноги Вольфа заплетались, глаза опять закрывались сами собой. Утолив голод, он захотел спать, но не смел отставать от бодро шагавшей Герды. Пес плелся рядом – он тоже устал. Вольф видел, как безжизненно обвис его хвост, как опустились обычно настороженно приподнятые уши.

Он сам не понял, как упал. Кажется, просто моргнул и тут же уснул. Зубы клацнули, когда подбородок ударился о твердую землю.

– Какой же ты дохлый.

Вольф с трудом приподнял голову и усталился в темноту, клубившуюся под капюшоном. Лицо Герды полностью исчезло, поглощенное чем-то текучим, живым, непонятным.

– Забирайся. – Она присела рядом, подставляя ему спину. – Давай, пока я не передумала.

Кое-как поднявшись, Вольф обхватил ее шею, прильнув грудью к грязному дорожному плащу. Герда подхватила его под колени, резко выпрямилась и продолжила путь, не говоря больше ни слова. Вольф положил подбородок на ее плечо и закрыл глаза. Вскоре он уснул.

* * *

Из сна Вольфа вырвали – Герда ссадила его со спины, он не устоял на ногах и упал в пожухшую траву.

Приподняв голову, он принюхался. Людьюми не пахло. Он не чувствовал и привычного смрада – пота, рыбы, испражнений и помоев. Пряные запахи леса заставляли голову кружиться.

Пес, повалившись на землю, терся мордой о листву и повизгивал, словно щенок. Он пытался стереть с себя вонь Альтфурта, и Вольф полностью разделял это желание. Но стоило ему начать возиться, вываливаясь в лесном мусоре, как Герда схватила его за ухо и до боли выкрутила.

– Ну уж нет! – прошипела она. – Немедленно поднимайся!

Одурманенный свежим воздухом, Вольф решил, что это новая игра, и, встав на колени, потянулся к Герде, чтобы ее обнюхать. Звонкая оплеуха заставила его отпрянуть. Он прижал ладошку к пульсирующей щеке и униженно зарычал.

Герда схватила его за грудки и притянула к себе.

– Первое, что ты должен уяснить: я не позволю тебе вести себя как собака!

Вольф кивнул. Он не ждал иного обращения. Его били и прежде, но чаще кулаками, потому обида на Герду тут же прошла.

– Не смей обнюхивать людей, нужду будешь справлять только в ночной горшок или яму, и если я увижу, что ты вывалился в падали...

Он кивал. Соглашался. Мог бы и хвостом вилять, будь он у него.

– И никому не говори, что я тащила тебя на спине, – бросила Герда, выпрямившись. – Ясно?

Кому он мог рассказать об этом? Вольф не знал, потому кое-как отряхнул одежду от налипшей листвы и расправил плечи, всем своим видом показывая, что готов сделать все, что она прикажет.

– Пойдем.

Лес обступал узкую тропу, найти которую не представлялось возможным, если наверняка не знать, что она там есть. Туман стелился по земле, окутывая ноги, первые лучи восходящего солнца с трудом разгоняли мрак, поселившийся меж стволов старых деревьев.

Вольф сразу понял, что они добрались до *госпожи*, и даже не потому, что у огромных вырвавшихся из-под земли корней дуба-великана стояла женщина, зябко кутававшаяся в плащ. Она была крупнее Герды, хоть старость и скрутила ей спину. Длиннорукая и суровая, незнакомка казалась высеченной из древней древесины, а морщины на ее лице удивительно напоминали кору дуба, возвышавшегося за ее плечами. От самого дерева исходило что-то, названия чему Вольф дать не мог: волны силы, дурманный запах смолы и едва уловимый аромат тления.

Они не успели приблизиться – поджидавшая их женщина уперла руки в бока и рывкнула:

– И кого ты притащила? Он слишком взрослый!

– Не слишком! – в тон ей бросила Герда. – Или ты хотела возиться с младенцем?

– Так и знала, что следовало пойти с тобой! – Женщина плюнула на землю. – А что, если у него крутой норов? Его придется переломить, переделать...

– Нет у него никакого норова! Он дикий звереныш, воспитанный собакой!..

– Он еще и неразумный?!

– Это ты неразумная, если думаешь, что я могла притащить сюда хворого...

– Я?! Ты, старый мешок с жабами, следи за тем, что говоришь!..

Вольфу казалось, что эта ссора завязалась давно, а теперь они просто продолжают ее. Герда размахивала руками, а незнакомка то и дело плевала ей под ноги и шипела.

– ...мало времени!

– Закрой свой рот, Хеда! – гаркнула Герда. – Да, он ровесник львенка, но так даже лучше!

– Лучше?! Мы должны обучить его! Это займет годы!

– Придется поторопиться!

– Ах, поторопиться?! Сейд – не то, что изучают в спешке, старая ты...

Порыв ветра сорвал с головы Герды капюшон, седые волосы рассыпались по ее плечам. Вольф уставился на нее и наконец сумел разглядеть лицо: уже немолодое, испещренное морщинами, с тонкими поджатыми губами и складками вокруг рта. В Альтфурте он видел множество стариков, но таких пронзительных, ясных глаз не было ни у одного из них.

– Довольна? – Герда откинула волосы за спину.

– Буду довольна, когда ты уведешь мальчишку туда, откуда его притащила.

– И не подумаю.

– А я и не подумаю его обучать!..

– У тебя нет выбора, глупая ты подошва!

Они продолжили спорить. Вольф отступил в тень, присел и обхватил шею Пса руками. Ему не нравилось, когда старшие ругались, но в перепалке между старухами не ощущалось настоящей злобы – только упрямство.

– У тебя все равно нет выбора! – повторила Герда. – У нас не осталось времени. Либо этот звереныш, либо львенок окажется один на один со сворой голодных псов!

Кажется, эти слова привели Хеду в чувство. Пожав плечами, она еще раз плюнула на землю и прошипела:

– Мы пожалеем.

– Не раньше, чем попробуем сделать хоть что-то. Гебхард погиб и...

– И в этом нет нашей вины! – вновь разъярившись, гаркнула Хеда. – Он был обучен лучше, чем все его предшественники!

– Но спрашивают с нас! – в тон ей сказала Герда. – Погляди на мальчишку. Он не так плох, клянусь своими последними зубами.

Она подошла к Вольфу, рывком поставила его на ноги и сжала челюсть пальцами, заставив повернуться к Хедо.

– Он выглядит смысленным, пусть и рос с собакой.

Хеда поджала губы и раздраженно убрала кудрявый седой локон за ухо. Как она ни старалась сохранять злобное выражение лица, Вольф заметил перемену в ее взгляде. Он всегда подмечал такие мелочи: если вовремя не понять, что старший в скверном расположении духа, можно схлопотать затрещину, а то и пинок.

– Мы не должны ошибиться, – наконец сказала Хеда. – Пока мы возимся, отравленные кинжалы целятся в спину правителя.

– Я знаю об этом не хуже тебя, – буркнула Герда. – Надеюсь, Светлейший сумеет оградить его. – Помолчав, она сказала: – Нужно нагреть воды, от мальчишки несет псиной.

– Только псиной? – Хеда коснулась одного из огромных корней.

Вольф во все глаза наблюдал за тем, как в их кажущемся беспорядке появляется скрытый проход. Вскоре Хеда юркнула туда с подозрительным проворством.

– Вёльвы... – выдохнул он.

Герда отвесила ему подзатыльник и фыркнула:

– Не вёльвы. Они обычно не покупают детей у матерей, а просто уводят их, чтобы съесть.

Вольф похолодел и вцепился пальцами в шерсть Пса. Быть съеденным ему не хотелось.

– Расслабь плечи, звереныш. Ты нужен нам живым. Пока. – Герда подтолкнула его. – Иди, тебе нужно помыться. В моем доме не будет жить существо, воняющее подобным образом.

– Пес?.. – Вольф потянулся к названному брату.

– Его накормят.

– Пес!..

Герда зарычала сквозь сжатые зубы, а затем плюнула на землю, совсем как Хеда.

– Пес, Пес! – передразнила она. – Тебе придется привыкнуть жить без собаки, звереныш.

Мысль, что Пса не будет рядом, острым шипом вонзилась в сердце. Вольф прикусил задрожавшую губу, но горечь оказалась слишком велика – он разрыдался, да так, что заглушил своим ревом и шумящую под порывами ветра листву, и стрекот просыпающихся насекомых.

– Хватит! Прекрати! – Герда зажала уши. – Прекрати, кому говорю!..

Из прохода в корнях выглянула Хеда. Окинув их взглядом, она шустро выбралась, обломила низко свисавшую тонкую ветвь и двинулась к ним. Вольф сразу почувствовал, что ничем хорошим для него это не обернется, потому бросился прочь, на бегу вытирая сопли рукавом.

– Стой, звереныш!..

Что-то обвило ноги, и Вольф упал, больно ударившись о землю грудью и подбородком. Он застонал, перевернулся на спину и уставился на молодые побеги, опутавшие его ступни и голени.

– А теперь... – подоспевшая Хеда схватила его за шиворот и приподняла. – Теперь ты должен запомнить: если попытаешься сбежать, мы отправим за тобой голодные тени, которые разорвут тебя на части быстрее, чем ты покинешь лес. Усвоил?

Вольф кивнул. Спорить с Хедой почему-то не хотелось.

– Пойдем. – Она поставила его на ноги и толкнула в спину. – От тебя правда воняет.

– Пес... – проскулил Вольф.

– Стоит на своем, – заметила Герда. – Достигнет козлячьего возраста – и создаст всем вокруг много, очень много проблем.

– Если доживет. – Хеда снова толкнула Вольфа, заставив его спуститься по корням к проходу. – Но, знаешь, Герда, из всех качеств, присущих людям, упрямство – не самое дурное.

– Еще бы мне не знать, я же живу с тобой под одной крышей.

– Ты, мешок сдохлыми жабами!..

Под звуки вновь завязавшей перепалки Вольф вошел в открытую дверь дома в корнях *госпожи*.

* * *

– Ты должен научиться пользоваться ложкой, читать и писать, прислуживать, если понадобится. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Вольф покачал головой – он был слишком впечатлен тем, что по мановению тонкого свежежесезанного прутика Хеды большая деревянная бочка сама собой наполнилась водой. Слова Герды никак не доходили до его разума.

– Еще и читать не умеет, – проворчала Хеда, сидевшая у очага в углу. – Бесполезный мальчишка...

– Читать умеет не каждый князь, – напомнила ей Герда. – Дело пары месяцев.

– Пары месяцев? Ты слишком сильно веришь в него.

Пока старухи переругивались, Вольф разглядывал низкий деревянный потолок, тяжелые балки, увешанные травами и выделанными шкурами мелких животных, и вдыхал запах мыльной травы, которой его натирала Герда. Сколько Вольф себя помнил, он всегда мылся в грязной речушке недалеко от города, а зимой, бывало, неделями ходил в одной и той же одежде, покрываясь грязью. Его тело сильно чесалось, но он знал, что, если пожалуется на это, мать обольет его холодной водой и разотрет жесткой тряпкой, потому молчал и к весне превращался в заросшее неопрятное существо, больше напоминавшее зверя, чем человека.

– Так-то лучше, – пробормотала Герда. – Дай-ка посмотрю на тебя!

Она взяла его за подбородок и заставила поднять голову. Стекающая с волос вода заливала глаза, но Вольф старательно смаргивал ее.

– А ты не так уж и уродлив, – заключила она, цокнув языком. – Вольф...

– Еще не волк, так, всклокоченный, недоедающий щенок, – вставила Хеда.

– Но мы вырастим из него зверя. Вылезай и иди к огню. Если подхватишь болезнь легких, я лечить тебя не стану.

Герда помогла Вольфу выбраться из бочки, дала ему большой кусок жесткой ткани и повернулась к мирно дремавшему у двери Псу.

– Теперь ты! Иди сюда, кому говорю?..

Вольф подобрался к очагу и присел рядом с огнем, сжимая ткань в руках. Он с удивлением разглядывал свои пальцы – они никогда не были такими чистыми. Факельщик учил жителей Альтфурта, что телесная чистота важна так же, как духовная, но мать Вольфа пренебрегала купанием, заявляя, что это портит здоровье. Так думали многие, потому купальни, построенные неподалеку от Часовни Пламени, почти всегда пустовали. Единственное, чего добился Факельщик, – принудительного мытья жителей каждый *зоннтаг*⁵ перед утренними молитвами. Он наотрез отказывался впускать в Часовню Пламени людей, не посетивших купальни, а некоторых даже сек плетью в назидание остальным.

– Иди-ка сюда.

⁵ *Зоннтаг* – воскресенье.

Покосившись на Хеду, Вольф нехотя придвинулся к ее ногам. Эта женщина ему не нравилась, а он, кажется, не нравился ей.

– Почему ты не обтерся? – ворчливо спросила она. – И прикрой промежность, мать не рассказывала тебе, что не стоит показывать *это* всем подряд?

По неизвестной Вольфу причине его щеки опалило жаром. Он неловко протер грудь куском ткани, а затем положил его на колени, чтобы прикрыться.

– Тебя когда-нибудь расчесывали? – спросила Хеда.

Вольф покачал головой.

– Тогда терпи.

И он терпел. Сжимал зубы, жмурился, но не издал ни звука, пока деревянный гребень драл его волосы.

– Странно, что у него нет вшей, – заметила Хеда, продолжая безжалостно терзать его голову.

– Или блох, – добавила Герда, обтиравшая Пса большим куском мешковины. – Он трется подле этой шавки всю жизнь.

– Пес-то нездешний, заметила? Привезли из других земель, как думаешь? – Причмокнув губами, Хеда недовольно спросила: – А у него есть блохи?

– Нет. Как ни странно. Все, иди гуляй. Как же воняет мокрой псиной...

Герда открыла дверь, впуская в дом прохладный воздух. Пес улегся на пороге, Вольф позавидовал ему – он бы тоже хотел просто лечь рядом и уснуть, но Хеда продолжала копаться в его волосах.

– Погляди, какие длинные.

Герда подошла к очагу и провела пальцами по прядям. Вольф непроизвольно потянулся за ее прикосновением, за что тут же получил тычок в плечо.

– Ты не собака, звереныш, если тебе нужна ласка, попроси о ней словами, – проворчала Герда. – Густые, да. Удивительно.

– Не похож он на обычного грязноротого мальчишку, – вдруг пробормотала Хеда.

– Тоже заметила, да? – Герда продолжала поглаживать Вольфа по волосам, и он прикрыл глаза. – Его мать держится так же. Нос задрала, а сама ни жива ни мертва, едва стоит на ногах от голода. А в чреве, в чреве-то еще один рот.

– Вот как, – выдохнула Хеда.

– Поглядела в ее глаза, а там не о детях мысли, а о мужике каком-то. От него и понесла, так мне думается.

– Этот-то обузой ей был, получается?

Вольф почувствовал, как пальцы Герды напряглись. Она помолчала, а затем ответила:

– Получается, так.

– Неужто из жалости забрала его с собой? – На этот раз в голосе Хеды не было насмешки.

– Я и в его глаза поглядела, старая ты язва. Щенок на вид, но нутро словно из стали отлито. Жаль оставлять было, пропал бы, сдох где-нибудь. А так... – Герда хмыкнула. – Хоть какой-то будет толк от того, что он на свет появился.

«Выходит, от жизни должен быть толк?» – подумал Вольф, прислушиваясь к разговору.

Прежде ему не доводилось об этом размышлять. Он видел, как живут старшие, видел, как мужчины гнут спины, как женщины днями и ночами занимаются домом и детьми. Ему казалось, что и его удел таков: едва пробьется борода, он пойдет с другими мужчинами на реку, будет ловить рыбу, а потом продавать ее на рынке. Факельщик говорил, что можно посвятить жизнь учению Светочи, но Вольф никогда не слушал проповеди, пропускал их мимо ушей.

– Его бы показать, – вдруг сказала Хеда.

– Остальным? – ворчливо уточнила Герда.

– А кому еще?

– Рано будто бы. Погляди на него – щенок щенком.

– Потом поздно будет. К тому же последнее слово за нами, – не отступала Хеда. – Понравится он им или нет, а другого искать уже некогда.

Подумав, Герда ответила:

– Хорошо. Как солнце сядет, сходим.

Вольф поднял голову и посмотрел на нее, за что получил удар гребнем по макушке от Хеды.

– А ты не подслушивай, – проворчала она.

Открыв рот, Вольф хотел ответить ей, но передумал. Герда потянула его за волосы.

– Говори. Чем больше будешь говорить, тем лучше.

С духом Вольф собирался довольно долго, но все же нашел в голове нужные слова:

– Вы не прятались, – выдохнул он, – значит, я не подслушивал.

Женщины обменялись взглядами, Хеда хмыкнула, задумчиво причмокнула губами.

– И впрямь не такой уж и пропащий, – заключила она.

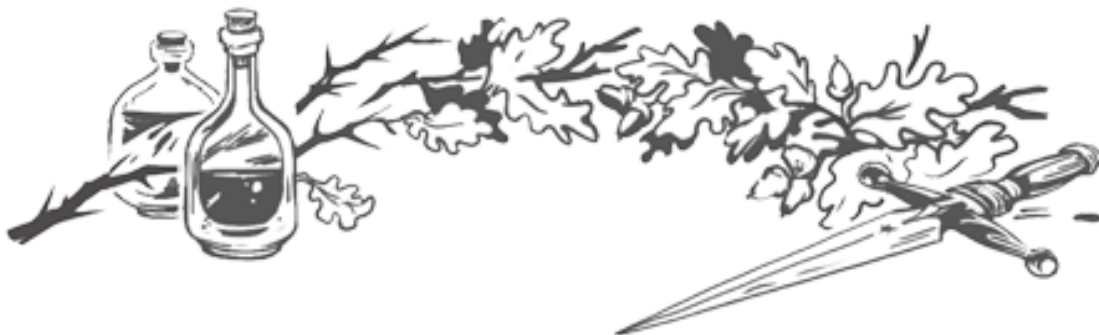
– А я говорила. Но научить бы его говорить чаще, а то только молча таращится.

– Ты его притащила, ты и учи.

– А ты здесь на что, ветошь старая?..

Под звуки вновь разгоревшейся перебранки Вольф прижался спиной к грубой скамье, на которой сидела Хеда, и закрыл глаза.

Глава 3

Пока Вольф надевал мягкую одежду из шерсти, Хеда бросила на пол пару новых сапог и шнурок.

– Соберешь волосы, – велела она.

– Не умею, – откликнулся Вольф.

Он уселся и стал натягивать сапожок, от усердия прикусив кончик языка. Хеда, продолжая ругаться сквозь зубы, подобрала шнурок и опустилась рядом. Ее узловатые пальцы больно тянули волосы, но Вольф не жаловался – выпался и пребывал в благостном расположении духа.

– Вырвешь все, – бросила Герда, закутавшаяся в темный плащ.

В ответ Хеда рявкнула:

– Не болтай под руку!

– На человека похож стал, так и не скажешь, что еще вчера я подобрала звереныша. – Герда подцепила подбородок Вольфа пальцем и заставила его поднять голову.

Ему не нравилось, когда она так на него смотрела. Взгляд ледяных глаз, казалось, проникал под кожу, в самую суть, туда, где болело, туда, куда сам Вольф боялся заглядывать.

– Цвергов встречал? – Герда продолжала вглядываться в его глаза. Вольф кивнул. – Альвов тоже?

– Нет, – выдохнул он.

– Где он мог видеть альвов, ослица? – фыркнула Хеда. – Разве что во снах!

– Если ты забыла, Светлейший сидит за одним столом с королем, – в тон ей ответила Герда. – Так кто из нас ослица?

– Всем известно, что ты.

– Кому это – всем?!

Цвергов Вольф действительно встречал – толпы низкорослых носатых мужчин время от времени заглядывали в Альтфурт, чтобы поторговать. Несколько раз он подслушивал их разговоры, прячась под столом в зале постоянного двора, но понял только одно: каждый цверг хотел жениться, но по какой-то причине не мог. Они разглядывали подавалыщиц и других женщин, обсуждали их, громко хохотали и стучали кружками по столешницам.

А с единственной подругой мать однажды обсуждала историю обделенной разумом девицы, которая сбежала от отца и ушла с цвергами под гору. Вольф тогда подумал: «Если бы они позвали меня с собой, я бы тоже ушел», но вслух, конечно, ничего не сказал.

– Пойдем.

Герда стиснула его плечо пальцами и потащила за собой. Пес попытался выбежать на улицу, но Хеда схватила его за хвост и прошипела:

– Ну уж нет, зверь остается в доме.

Вольф хотел, чтобы Пес пошел с ним, но понимал, что вёльвы, которые запретили ему называть себя вёльвами, и так сделали куда больше, чем должны были, – позволили старшему названому брату войти и спать под крышей, в тепле. Потому Вольф проглотил возражения и выбрался из лаза, стараясь не запачкать новую одежду.

Больше Хеда и Герда не проронили ни слова – просто уверенно пошли вперед по петляющей тропе, все глубже в лес, в густую чащу.

Темноты Вольф не боялся – куда больше его пугали вопли пьяниц и взгляд матери после того, как он делал что-то неправильное. Отдохнувший и накормленный густой похлебкой, Вольф посчитал прогулку по лесу приключением. Таких хороших дней в его жизни еще не бывало: живот полон, новая одежда пришлась впору и не пропускает ночную прохладу, даже сапоги не промокли, хотя он несколько раз наступил в грязь. Желать большего он не мог, да и не знал, что может быть лучше.

Когда впереди замаячила черная громада, Вольф прищурился, силясь разглядеть ее. Хеда вынула из-за пазухи уже знакомый прутик и прибавила шаг. Герда подтолкнула его в спину, вынуждая поторопиться.

Он не понял, что произошло: тьма просто расступилась, явив сияющий проход, из которого доносились приглушенные голоса, смех, запах жареного мяса и мягкие трели музыки. Если бы не Герда, вновь сжавшая плечо, Вольф бы и шагу не ступил, продолжая таращиться на свет ярких свечей, пламя которых лизало низкий потолок каменного прохода.

– Ну же, шевели ногами, – прошипела Хеда. – Глупый мальчишка.

– Ты придираешься, ослица, – вдруг вступилась за Вольфа Герда. – Смертным сюда дороги нет, позволь ему разглядеть все как следует.

– Смертные так и норовят пробраться под курганы, некоторым это даже удается.

– Вот только обратно они не возвращаются.

Спор Вольф не слушал – разглядывал светлый, песочного цвета камень, из которого были выложены стены. Проход оказался коротким, и стоило им повернуть за угол, как его ноги коснулись мощеной дороги. Он с тоской подумал: «Неужели это все?», но стоило ему поднять взгляд, как невысказанный вопрос исчез сам собой.

Лес больше не был лесом – он превратился в город, украшенный множеством светящихся шаров. Совсем крошечные дома висели на ветвях, а те, что побольше, словно вырастали из вековых стволов. Кроны надежно укрывали их, огромные листья трепетали на ветру, откуда-то доносился мягкий перезвон. А внизу, у корней, пировали люди. Они сидели за длинными широкими столами, поднимали кружки, и все это казалось Вольфу волшебством до того момента, пока он не заметил, что за спинами некоторых «людей» вьются хвосты.

Он попятился. Чем дальше его взгляд блуждал по лицам и фигурам, тем отчетливее он понимал: за столами пируют вовсе не люди. Но кто тогда?..

– А говорил, что видел цвергов, – бросила Хеда. – Соврал?

– Нет! – возмутился Вольф. – Хвосты!..

– У иных и рога есть, – заявила Герда. – Не смей таращиться, они этого не любят.

– Они?..

– Прежде чем учить его читать, придется научить говорить. – Хеда спрятала прутик в складках плаща и махнула рукой. – До рассвета собираетесь на месте стоять, будто вас приколотил кто?

Стиснув пальцы Вольфа, Герда наклонилась к нему и прошептала:

– Лучше бы нам поторопиться. Как только первые лучи солнца коснутся земли, все исчезнет, а у нас и так нет времени. И не бойся. – Она ободряюще толкнула его бедром. – Ты им нужен, они не посмеют тебя тронуть.

«Зачем? Зачем я им нужен?..» – вопрос так и остался незадаанным. Вольф кивнул и покорно поплелся за Хедой, стараясь не глазеть на сидевших за столами существ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.